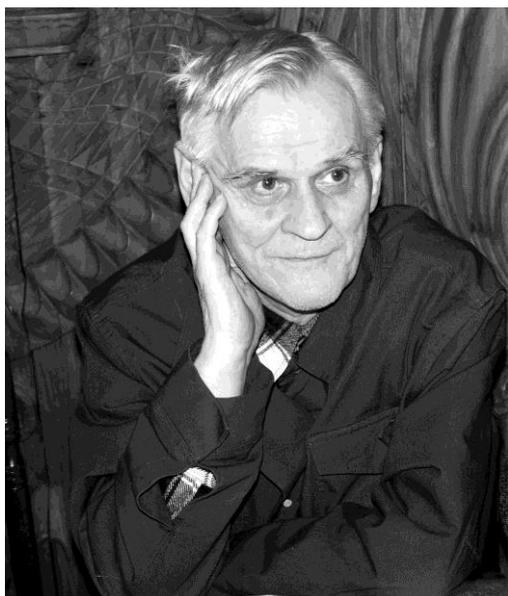

Памяти Юрия Ивановича Смирнова

Главная редколлегия серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», Институт филологии Сибирского отделения РАН с глубоким прискорбием извещает о кончине известного российского фольклориста Юрия Ивановича Смирнова. Он не дожид до своего восьмидесятилетия всего месяц... В этом номере готовилось поздравление юбиляру со знаменательной датой. Более тридцати лет Юрий Иванович являлся членом Главной редколлегии сибирской Серии, внося свою весомую научную лепту в реализацию этого крупномасштабного гуманитарного проекта. Широкая эрудиция, вдумчивость, огромный опыт полевой и исследовательской работы Ю.И. Смирнова были неопределимы в успешном продвижении Серии. Юрия Ивановича всегда отличал глубокий интерес к живому бытованию фольклора у народов Сибири. Его будоражила сама возможность общения с носителем фольклорных знаний, он советовал сибирским фольклористам более тщательно и скрупу-

лезно работать с информантами, расспрашивать детально о тех или иных персонажах, их облике, привычках, одежде и т.д. Юрий Иванович всегда настаивал на том, чтобы фольклористические статьи томов были написаны понятным языком, без перегрузки специальными терминами и «научной заумью».

Редколлегия журнала сочла необходимым познакомить сибирских ученых, прежде всего молодое поколение, с некоторыми фактами научной биографии Юрия Ивановича Смирнова и опубликовать статью Е.А. Самоделовой, в которой отмечены важные вехи творческого пути Юрия Ивановича к вершинам отечественной фольклористики.

* * *

Юрий Иванович Смирнов окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, куда он поступал, мечтая стать литературным критиком и полагая, что именно в университете дается самое серьезное образование по гуманитарным дисциплинам. Помешали стать профессиональным критиком Смирнову два человека – В.И. Чичеров и Э.В. Померанцева: они виртуозно читали тогда курс фольклора и с энтузиазмом проводили фольклорные экспедиции. Именно эти профессора своей увлеченностью и верой в возможность постижения исторических глубин славянской цивилизации вовлекли Смирнова в удивительный мир устного народного творчества.

Первая фольклорная экспедиция Ю.И. Смирнова состоялась в начале 1954 г. в Вологодскую область, под руководством Э.В. Померанцевой, начальником отряда была Н.И. Савушкина. Ю.И. Смирнову не понравился маршрутный способ проведения экспедиций, когда отряд фольклористов-собираателей (в том числе студентов) стремительно продвигается по заранее намеченному маршруту, задерживаясь в каждом селе лишь по несколько дней. Он хотел подробно обследовать локальные традиции, а не работать исключительно на подготовку сборников. Когда в 1970-х гг. Смирнов сам стал начальником Полесских экспедиций, он планировал посещение каждым отрядом всего лишь двух селений за месяц, чтобы можно было тщательно расспросить местных жителей об особенностях бытования фольклора.

Летом 1954 г. Ю.И. Смирнов по своей инициативе ездил на разведку в Белгородскую область, где позднее В.М. Щуров, профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, обнаружил много архаики в песенных напевах, но Юрий Иванович Белгородчиной не вдохновился. В зимние полевые сезоны 1954–1956 гг. Ю.И. Смирнов посещал Ярославскую область: в 1955 г. – Пошехонский район, в 1956 г. – Угличский район. Так, в с. Гаютино Пошехонского района Ю.И. Смирнов зафиксировал несколько десятков (около сорока) сказок от талантливого сказочника Алексея Ивановича Крицкого. Сейчас этого села уже нет, а записи сказок, сделанные Юрием Ивановичем, еще ждут своего исследователя. Сейчас Юрию Ивановичу сложно выезжать в поле, и так по-

лучилось, что Пошехонье оказалось одним из последних регионов его активной полевой и исследовательской работы, где он и бывал в экспедициях, и организовывал междисциплинарную научную конференцию «Русская народная культура и ее этнические истоки» (1991–2002).

В университете В.И. Чичеров – наставник Ю.И. Смирнова – предложил ему на выбор: глубоко изучать китайский, чешский или болгарский фольклор. После некоторых размышлений Смирнов пришел к выводу, что китайский фольклор с главным его героем – драконом (ипостасью змея) – ему не осилить, чешский фольклор находится почти на грани исчезновения, и в итоге выбрал болгарский фольклор, поскольку болгары собрали прекрасный полевой материал, который теперь нуждается в научном осмыслении.

Впервые Ю.И. Смирнов оказался в Болгарии в 1957 г. с целью освоить язык в его живом бытовании, поскольку болгарский народ говорит на разных диалектах, в которых много турецких и греческих словечек. Ю.И. Смирнов справедливо убежден, что знание языка носителей традиции необходимо не только для понимания смысла собираемых фольклорных произведений, но прежде всего для доверительного отношения местных жителей к собирателю, для уверенной роли «своего» среди них. Первые полевые записи болгарского фольклора он сделал в Одесской области, которая тогда входила в состав СССР, где в селах компактно проживали болгары. Ю.И. Смирнов записывал болгарские эпические баллады от представителей старшего поколения, живших в сельской местности – в естественной патриархальной среде.

Ю.И. Смирнов рассказывает, что былины впечатлили его уже в первых фольклорных экспедициях на Русский Север, организованных МГУ по следам Гильфердинга и Рыбникова и по следам братьев Соколовых. С тех пор изучение северных былин стало одним из ключевых направлений исследовательской деятельности Ю.И. Смирнова.

С Новгородчиной связан забавный эпизод из жизни Ю.И. Смирнова как собирателя фольклора. Однажды в 1970 г. он оказался там на научной конференции. После нее был невыразительный концерт художественной самодеятельности, где замечательные бабушки пели какие-то современные песни, заказанные им начальством. После их выступления Ю.И. Смирнов прокрался за кулисы, чтобы расспросить о более интересном фольклорном репертуаре. Певицы затянули старинные баллады «Василий и Софья», «Муж жену губил», и Ю.И. Смирнов уже удобно расположился для их записи, как вдруг явился строгий человек и тут же увел бабушек.

Ю.И. Смирнов жалеет, что фольклористы-предшественники обследовали лишь определенные селения на Русском Севере на предмет выявления былин; и направлялись они туда по подсказке уроженцев былинных мест. В результате во многих селах былины записаны по множеству раз, а другие (даже не самые отдаленные) оказались вне поля зрения ученых.

Неизвестно, когда возникли былины. Глубину их появления можно было бы отследить в том числе и по анализу упоминаний в них разного рода оружия (Р.С. Липец исследовала только отдельные виды вооружения). Ю.И. Смирнов гордится, что один из его учеников провел такую работу, но жалеет, что этот многостраничный труд пока остается в рукописи. Юрию Ивановичу равно интересны генезис и пути миграции былин. В одной книге по археологии он прочитал, что представители древних племен передвигались по огромным просторам Европы вместе со своим скотом: породы коней или коров отличались от автохтонных, что различимо с помощью специального генетического анализа даже по костям скота из захоронений. Ю.И. Смирнов удивился, что целые стада домашнего скота способны были преодолевать огромные водные преграды, например, переплывать Волгу или Днепр.

Ю.И. Смирнов выявил исторические места возникновения отдельных сюжетов. К примеру, к Рязанщине отсылают имена таких былинных героев, как Авдотья Рязаночка, Добрыня Рязанич (не привычный Добрыня Никитич) и менее известный Касимовский татарин (былина о битве двух неизвестных братьев). Пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь следы бытования былин в метрополии, Ю.И. Смирнов в 1973 г. отправился в Рязанскую область, обследуя потаенные деревушки, прячущиеся в глухих лесах к югу от Касимовской дороги. Фольклорист вспоминает, как ему там встречались нерусские черноволосые низкорослые люди «с поздненьким фольклорным материалом» – остатки летописной муромы или мещеры.

Когда Д.С. Лихачев, один из основателей книжной серии «Литературные памятники», задумался о включении в нее фольклорных раритетов, он через Э.В. Померанцеву пригласил Ю.И. Смирнова принять участие в томах былин. Д.С. Лихачев внимательно прислушивался к мнению Смирнова, доверял ему составление и комментирование былинных томов. В итоге вышло два тома былин: «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (1974) и «Новгородские былины» (1978). Затем Смирнов разохотился и предложил составить том по хронологии былинных персонажей: от раннего Волха Всеславича к Вольге и князю Владимиру и т.д. То ли замысел показался Д.С. Лихачеву чересчур грандиозным,

то ли еще что-то случилось, но эта «былинная серия» прекратилась, так и ограничившись двумя томами.

Ю.И. Смирнов неоднократно рассказывал о том, как при подготовке «Сравнительного указателя сюжетов: Восточнославянская сказка» (1979; далее – СУС) титульный рецензент Б.Н. Путилов попросил его написать отзыв на рукопись. Ю.И. Смирнов очень ответственно подошел к рецензированию рукописи и высказал множество предложений по ее доработке. В результате он на месяц был командирован из Москвы в Ленинград для реализации своих замечаний по усовершенствованию указателя. Составители вместе с ним успели проверить № 1–1000 СУС: какую-то часть предложений они приняли, какую-то – нет. Не хватило времени просмотреть номера анекдотических сказок.

Ю.И. Смирнов предлагал изучить архивы, чтобы выявить неопубликованные сказки, в том числе те, которые могли бы дать новые номера сюжетов, заполнить специально зарезервированные пропуски. Однако из-за трудоемкости исполнения это предложение было отвергнуто (в «Указателе...» записана такая задача для будущих работ по систематике сказок).

Ю.И. Смирнов считает необходимым дать более полные аннотации к номерам СУС, чтобы по нему было легче определять сюжеты вновь записанных сказок. По мнению исследователя, желательно указывать влияние книжных источников (например, сказочного собрания А.Н. Афанасьева) на репертуар сказочников конца XIX–начала XXI в. (в отдельных случаях в СУС приведены литературные произведения на сюжеты фольклорных сказок). Хорошо бы сделать дополнительные внутренние указатели: например, по персонажам. Во вступительной статье надо описать, что такое вариант и версия, а то в Указателе Аарне–Томпсона перепутаны сюжеты, мотивы, эпизоды.

Также Ю.И. Смирнов отмечает, что при обращении к «Указателю сказочных сюжетов» Антти Аарне многие сказковеды удивляются сходству финских сюжетов с русскими, а в действительности там описаны истинно русские сказки, бытовавшие на русско-финском пограничье.

Давно вынашиваемую идею составить сюжетный указатель по книжным и архивным источникам Ю.И. Смирнов воплотил в аннотированном труде «Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях» (М., 2010).

Широкий разброс научных интересов Ю.И. Смирнова: в анкете для справочника «Русские фольклористы» (1994) он сообщил, что его интересуют «эпос, народная проза, обрядовая поэзия, заговоры, другие разделы; эволюция или история фольклорных произведений, изучение народной культуры во времени и пространстве», причем эти области знаний относятся и к славянским народам, и их соседям. Цени глубину «фольклорной памяти», Ю.И. Смирнов не хочет размениваться на поздние фольклорные жанры и произведения недавнего времени. Так, мечтая в очередной раз отправиться «в поле», он все-таки отказался от заманчивого предложения фронтовика Б.П. Кирдана поехать с его студентами в Смоленскую область собирать военный фольклор по местам боев и оккупации во время Великой Отечественной войны. Являясь несомненным патриотом, Ю.И. Смирнов убежден, что в таком заповедном фольклорном регионе, каким является Смоленщина, необходимо искать архаику.

Ю.И. Смирнов исповедует аксиому, что «уникальный факт – это вообще не факт, мягко говоря или грубо выражаясь». Поэтому он не считает великого А.Н. Веселовского авторитетом (как вообще не полагается на авторитеты и не привык прятаться за широкую спину титулованных ученых-предшественников в своих научных выводах). Смирнов рассказывает о своих наблюдениях над тем, что А.Н. Веселовский, обладая величайшей образованностью и прекрасным владением множеством европейских языков, позволял себе сопоставлять сначала близкие фольклорные факты, затем притягивал к ним более далекие, потом совсем отдаленные – и в результате получал большую, но совершенно необидительную и недостоверную цепочку сравнений. Ю.И. Смирнов смеет спорить с А.Н. Веселовским, считавшим переводную балладу «Ленора» В.А. Жуковского германским сюжетом, и уверен, что это славянский сюжет.

Ю.И. Смирнов полагает, что надо трудиться в свое удовольствие, не торопясь, тогда и результат будет убедительным. В последнее время он сетует на все более ускользающее время, даже на то, что обеды его отнимают, и старается выбрать наиболее важные исследовательские задачи, поскольку ни один человек не может исполнить все задуманное и намеченное.

Ю.И. Смирнов очень чуток к окружающим его людям. Например, взглянув на красивую брошь на лацкане жакета коллеги, он может высказать суждение о современном украшении как о древнем апотропее, отводящем глаза врагов и защищающем владельца от всяких напастей. Выслушав жалобы на ноющее горло, Ю.И. Смирнов дает совет из области народной медицины: понемногу есть чеснок в течение максимально возможного времени. Узнав о трудностях покупки маленьких механических часов для мамы коллеги, он заходит в часовой магазин, на следующий день приносит каталог швейцарских хронометров и искренне удивляется их недоступной цене.

Каждый вторник, если самочувствие оказывается более-менее хорошим, Ю.И. Смирнов приходит в ИМЛИ и диктует одной из сотрудниц группы ИТ при дирекции М.А. Яковлевой текст, который он набросал на черновике своим аккуратным, но частично зашифрованным почерком. Это фрагмент его большой работы, составленной из наблюдений над былинными персонажами, их ролями и функциями, атрибутами и действиями, отношениями друг с другом. Эти наблюдения возникли в результате составления указателя былинных сюжетов. Он остается допоздна в кабинете, пьет чай с коллегами из разных отделов, которые пришли на огонек и рады послушать интересные суждения Ю.И. Смирнова на самые разные темы.

Вообще Ю.И. Смирнов прекрасный рассказчик. В тихое вечернее время в ИМЛИ можно услышать его вдохновенное исполнение студенческих песен, за чаем он иногда сообщает народные предания из жизни «советского графа» А.Н. Толстого, за праздничным столом или по дороге домой рассказывает сказку о животных – о зайце, лисе, волке и медведе, которой нет в «Указателе сказочных сюжетов». Рассказывая, он живо изображает писклявого зайца и басовитого медведя, недоверчиво вопрошает от имени очередного лесного зверя и искренне удивляется происходящим сказочным событиям. И только посмеивается в ответ на вопрос, где же он раздобыл этот неизвестный сюжет. На другой вопрос – о том, окажется ли следующее рассказывание вариативным – утвердительно кивает: да, каждый раз это будет новый вариант.

Е.А. Самоделова